

Профессор Леонид Григорьевич Панин

Константин Дмитриевич Ушинский: воспитание родным словом

Идеи К.Д.Ушинского — неисчерпаемая тема, затрагивающая что-то основное, уходящее вглубь (может быть, и вглубь души), сформировавшая и определившая меня как учителя и филолога (но филолог на втором месте, а учитель/преподаватель — на первом).

В духовной истории каждого народа есть творцы (или поэты, имею в виду исконное значение этого греческого слова), деятельность которых многогранна, многоопределяюща и неоднозначно квалифицируема (в том смысле, что каждый из нас находит в ней что-то своё, важное именно для него).

Таким был, есть и, надеюсь, будет Александр Сергеевич Пушкин, который ведёт нас от и до (от нашего рождения и далее...), у которого мы находим поддержку и ответы на многие наши вопросы, а его «Капитанская дочка» — редкое свидетельство торжества христианской мысли и православного отношения к ближнему.

Для педагогов (а в душе каждый из нас педагог — *παιδαγωγός* — ведущий чад и вводящий их в жизнь) таким человеком является Константин Дмитриевич Ушинский. Начала педагогических опытов не связаны с его именем (слава Богу, и до него было сделано немало), но он сделал для педагогики, может быть, самое главное: вернул Евангельскую встречу Учителя с учениками (Учителя, протянувшего отверстую длань, в которую ученик доверчиво вложил свою руку, и они **вместе** пошли).

В моём восприятии К.Д.Ушинского это очень важный момент, но не самый первый. Скорее заключительный, определяемый моей встречей с моим учителем, открывшим мне и педагогику, и филологию, и духовный мир вообще, и то, что мир учителей (и знаний, которые они могут дать) невероятно богат, нужно только уметь воспользоваться всем этим (и воспользоваться обязательно — иначе ты разочаруешь своего учителя).

А если попытаться выстроить по порядку моё восприятие богатства, которое оставил нам Константин Дмитриевич, тогда порядок будет таким: во-первых, это воспитание **словом**; во-вторых, это воспитание **родным** (русским) словом; в-третьих, это **обращение к научным основам**; в-четвёртых, это как раз союз, но лучше по-гречески: **симфония учителя и ученика**.

Воспитание словом

Воспитание словом и было основой воспитания, и это не придумал К.Д.Ушинский, это было в традиции педагогики: как же иначе можно было показать (привить) правильный (нужный, требуемый) образ поведения? Как можно было воспитать 300 спартанцев, стойко противостоявших персам в Фермопилах, не обращаясь к наследию Гомера? И Ушинский понимал роль **слова**: в первом из «Писем о воспитании наследника русского престола» он пишет о том, что «высказанное слово поднимается до той высоты, где слово становится делом». Мне представляется, так о слове и деле, о заключении слова в дело (и дела в слово) мало кто и задумывался из педагогов.

В Древней Греции ученика обучали основам чтения и произношения слов, в том числе и таких, каких не было в языке: *φλέγμοδρώψ*, или вообще придумывали фразу, где каждая буква алфавита использовалась, но только один раз: *βέδου ζάψ χθώμ πλῆκτρον σφίγξ*, и эту фразу нужно было бегло прочитать.

Наши грамотеи не отставали: отправляли Сашу по шоссе и заставляли её сосать сушку, а Карлу рекомендовали украсть у Клары кораллы, потому что она у него якобы украла кларнет (есть и современная версия этой скороговорки: *Клара у Карла украла доллары, а Карл у Клары — кварталный отчёт*, может быть, и наоборот: кто у кого что украл первоначально, не очень ясно, но симпатии к бизнес-леди всё-таки очевидны).

И это не филологические шутки (и тем более не лингвистические благоглупости), а то, что величайший ритор античности Квинтилиан (а к нему с благоговением относился сам М.В.Ломоносов — почитайте обе «Риторика» этого величайшего русского учёного) определял как *χαλινοί* ‘узда (для языка), намордник’: слова (и обороты речи), которые нужны для выработки чёткого произношения, для того чтобы правильно произнести текст.

Умение читать было основой восприятия грамматики. Дионисий Фракийский (170–90 гг. до Р.Х.), один из самых ярких представителей Александрийской грамматической школы, в своём знаменитом труде «Искусство грамматики», определяя грамматику как «осведомлённость в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков», начальным этапом освоения грамматики называл «чтение, умелое, соответственно просодии (*ἀνάγνωσις ἐντριβής κατὰ προσῳδίαν*)». Правильное чтение было показателем истинной грамотности. И как не вспомнить тут Павла Афанасьевича Фамусова, который в начале 2-го действия «Горя от ума» говорит своему слуге: *«Петрушка, вечно ты с обновкой, / С разо-*

дранным локтём. / Достань-ка календарь: / Читай не так, как пономарь; / А с чувством, с толком, с расстановкой».

Воспитание родным (русским) словом

«Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина...» — эти слова К.Д.Ушинского с большой пользой для дела мог бы чаще цитировать преподаватель истории русского литературного языка. Дежурные слова о великом и действительном создателе современного русского литературного языка Александре Сергеевиче Пушкине часто для учащихся остаются пустыми, тогда как внимательное чтение книги «Родное слово» К.Д.Ушинского с детальным разбором характеристик русского языка просветило бы не только учащихся, но и преподавателя.

К.Д.Ушинский знал «цену» русского языка, он был воспитан на книгах и идеях, которые были для его времени очень важными.

Обращение к научным основам

Каждому педагогу знакомы колебания внутри этой пары неразлучных оппозиций: скука и развлечение. К.Д.Ушинский был убеждён, что пытаться скуку победить играми — опасно. Скука побеждается совсем другим. Она побеждается осмысленностью. В большой жизни ребёнку придётся столкнуться со сложными (и, увы, скучными) задачами, которые не удастся решить играючи. У каждой из двух крайностей — бездумного заучивания и бездумной занимательности (её он находит у немецких педагогов) — свой вред: если зубрёжка слишком сложных для ребёнка текстов Часослова и Псалтири вредит его умственному развитию, без всякого смысла перегружает его память, то искусственное снижение нагрузки с помощью шуток и потешек «разрушает характер человека в самом зародыше». Обучение не равно игре, это вещи разные, сбросить бремя труда не удастся, но вот если сделать так, чтобы этот труд стал осмысленным, и научить ребёнка получать радость именно от осмысленности труда... Тогда есть надежда, что он выйдет во взрослую жизнь взрослым, сформировавшимся человеком.

Не развлечение «сказками и побасёнками», а увлечение «преддверием серьёзной науки». Но «серьёзная наука» Ушинского — не только та, к которой учитель ведёт ученика через системность и последовательность обучения, через постепенное продвижение от конкретного к отвле-

чённому, от знакомого к незнакомому, от единичного к сложному, от частного к общему, через практическое применение полученных знаний. «Серьёзная наука» — это также и та, которая ведёт учителя к ученику. Это педагогическая теория, университетская наука, основанная на всестороннем изучении человека.

Симфония учителя и ученика

Теория и наука важны, но не менее важна и личность. Учитель Ушинского — живой человек и именно поэтому живой источник, источник «воспитательной силы». Безличная система образовательного учреждения с его уставами и программами не в состоянии его заменить, как не в состоянии она сделать плохого воспитателя хорошим. А вот хорошему она может очень сильно помешать.

Учитель-воспитатель Ушинского воплощает в жизнь «идеальный план» В.О.Ключевского: общеобразовательная школа служит продолжением «школы домашнего очага», начального воспитания, полученного ребёнком в семье. В доме и семье, у домашнего очага находил Ключевский начальную общеобразовательную школу в Древней Руси. В этой школе ребёнка воспитывали не столько уроки, сколько сама атмосфера — та, которою он дышал. «Школе у домашнего очага», которая была одним из важнейших занятий семьи, великий историк противопоставляет «школу-казарму», результат предпринятой во второй половине XVIII века попытки не просто оторвать школу от семьи, но сделать их соперницами. Эта попытка обернулась обезличиванием вместо воспитания, школой, из которой выходят «нумера, а не люди, статистические количества, а не нравственные величины».

И Древняя Русь, и Просвещение воспитывали в ребёнке не человека, таким какой он есть, а роль — главы семьи и защитника Отечества, хозяйки дома и матери и т.п. Столетия понадобились науке педагогике, чтобы увидеть в ребёнке ребёнка. Первым заявил об этом открытии в полный голос Василий Андреевич Жуковский. В качестве многолетнего наставника царской семьи и будущего императора Александра II он имел огромный опыт воспитания не просто роли, но Роли-предназначения. Благодаря ей и вопреки ей сердцем поэта он нашёл путь не к ученику-наследнику, а к ученику-ребёнку, и в конце жизни, занимаясь с собственными детьми, которым уже никакой Роли назначено не было, смог этот путь ясно обозначить: это Педагогическая поэма, поэма в истинном значении слова — творение.

Образование есть воспитание для добродетели, процесс долгий и протяжённый — считал Жуковский, и в этом Ушинский верный его

последователь. Воспитывать не роль, а ребёнка таким, какой он есть, означает постепенно прививать ему доступное, выбирая из доступного то, что формирует его как личность. Личность, которая сможет сама выбирать между разными ролями. В дальнейшем эти идеи, определившие лицо современной педагогики, развивает Сергей Александрович Рачинский. Знаменитая картина Н.П.Богданова-Бельского «Устный счёт» — зримое воплощение идеи умственного труда, совместного поиска учителя и учеников, их единения в этом поиске, их симфонии. И для Ушинского, и для Рачинского педагогический процесс ни в коем случае не однонаправленный: если ученик существует потому, что есть учитель, то и учитель невозможен без ученика.

Величайшая заслуга Константина Дмитриевича Ушинского в том, что он «столкнул» Учителя и Ученика, показал, что их взаимодействие неизбежно, что они обязательно должны видеть друг друга, двигаться навстречу друг другу и вместе продвигаться вперёд, потому что именно в этом и заключается суть педагогического процесса.